
УДК 81'27:82.0

ББК 81.001.2

У 58

Унарокова Р.Б.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, e-mail: raya_unarokova@bk.ru

**«Специальные языки» адыгов:
лингвофольклористический аспект**
(Рецензирована)

Аннотация:

Анализируются значимые для адыгской коммуникативной культуры формы художественной организации общения, способы их функционирования согласно методике, предложенной лингвофольклористикой и этнолингвистикой, новыми направлениями науки о связях языка и фольклора. Также рассматривается специфика поэтических текстов, через которые реализуется тайноречие.

Ключевые слова:

Лингвофольклористика, культурный смысл, специальные языки, тайноречие, язык игрового ухаживания, устное послание, иносказательный диалог, метафорический язык, словопрение, полемическое клише.

Unarokova R. B.

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of History and Culture of the Adyghe, Adyghe State University, e-mail: raya-unarokova@bk.ru

«Special languages» of the Adyghe: a linguofolkloristic aspect

Abstract:

An analysis is made of the forms of art organization of communication significant of Adyghean communicative culture, ways of their functioning according to a technique offered by linguofolkloristics and ethno-linguistics and the new directions of a science on the language and folklore relations. Also the author explores specifics of poetic texts through which the mysterious language is realized.

Keywords:

Linguofolkloristics, cultural sense, special languages, mysterious language, language of game courting, oral message, allegoric dialogue, metaphorical language, logomachy, polemic cliché.

Специальные языки, или так называемые «тайные языки», занимают особое место в традиционной культуре общения адыгов, о чем свидетельствуют многочисленные записи, оставленные путешественниками и историками в прошлом.

Впоследствии специальные языки явились предметом ряда исследований. Так, Ю. Тхаркахо, А. Схалыхо, Б.Х. Бгажноков сделали попытку классифицировать их по родовым и видовым признакам, указав при этом на две функциональные особенности

«тайноречия»: становится средством общения для определенной социальной группы людей и быть формой соревнования [1]. Специальные языки, используемые в опосредованных формах общения, рассматриваются и в наших работах [2].

Б.Х. Бгажноков считает, что по структуре и отличию от обычного, «тайные языки» можно свести к трем основным типам: лексематическому, силлабическому, метафорическому. В лексическом типе в качестве элемента, скрывающего от непосвященных смысл высказываний, присутствует особая «ключевая лексема, сопровождающая каждое слово во фразе, но сама не несет никакой смысловой нагрузки. В силлабическом – тоже бессмысленные слоги присоединяются почти ко всем слогам обычного высказывания постпозитивно или препозитивно» [3: 111]. Адыги их называют *мэзчIэгъыбз* – (букв.: «подлесный язык»). Функционировали они обычно в молодежной среде. Но не исключена возможность (на это указывает сам термин «подлесный»), что ими также пользовались тайные мужские союзы, у которых был свой «язык», способствующий хранению в тайне всего, что касалось их жизнедеятельности, от других слоев общества.

В первых двух типах тайноречия нет сколько-нибудь художественных проявлений, поэтому остановимся на третьем типе тайноречия – метафорическом, т.е. индизидиоматическом в широком смысле слова.

Метафорический тип тайноречия сами адыги обозначают термином *чIэгъ-чIэлъыбз*, каб.: *шIагъыбзэ* (букв.: подъязык). К данному типу относятся *шэкIуабз* – «охотничий язык» и *оркъыбз* – «язык дворян (наездников)». К ним примыкает наречие *хъорыбз* (*хорыбзэ*) – язык игрового ухаживания. Два вида тайноречия: *шэкIуабз* и *оркъыбз* – генетически связаны с явлениями табу и эвфемизма. Строятся они при помощи замены употребительных слов выдуманнами. Метафорическому обозначению подвержены вещи и явления, так или иначе свя-

занные с охотой и наездничеством. Пользовалось этими языками исключительно дворянское сословие, поэтому справедливо считается, что тайные наезднические языки тоже являлись атрибутами адыгского социального института *шыуццыпI* (каб.: *шупцыIэ*) – «стан всадников или стан наездников» (*шыу* – всадник, *пцыпI* – стан, лагерь). Впоследствии, когда социальный институт мужских союзов изжил себя, вышли из употребления и «тайные языки», связанные с ним. Остаточные явления, в особенности лексика охотничьего и дворянского языков, «растворились» в других видах тайноречия. Вот почему теперь *шагыбзэ* воспринимается не как родовое понятие, включающее в себя ряд подвидов, а как одна из специфических форм опосредованного общения, такое же особое наречие специального языка, как *хорыбзэ*. В таком качестве *шагыбзэ* выступает как средство актуализации типичных для адыгского общества куртуазных отношений. Функционирование его традиционно связано с особенностями социальной организации этноса.

Шагыбзэ построено по типу метафорических языков, но индизидиоматическое здесь не утилитарное, как отмечает Б. Х. Бгажноков, а художественное, придающее речи необычайную изысканность. Владение этим языком предполагает не только знание некоторых условностей, но и сильно развитое образное мышление. *Шагыбзэ* – это не просто метафорическое обозначение отдельных понятий, а перевод целых высказываний в иную плоскость общения. Обратимся к фактическому материалу. Нападение неприятеля и связанная с ним необходимость сбора войска – это повод к организации устного послания. Для передачи призыва будущим воинам руководители отправляют гонца с поручением по всем населенным пунктам. Гонимый подворно сообщает весть, чаще всего, пользуясь одной и той же моделью сообщения. Такова, например, формула сбора войска, бытовавшая

в Причерноморской Шапсугии:

*Мы унэм шапсыгъэ л1экъуит1у ис,
Нахьыл1ык1э зызлътэжърэр къе-
рэк1 [4]. –*

В этом доме два шапсугских рода (имеется в виду род мужа и род жены),

Кто считает себя более мужественным, пусть выйдет.

Хъуэрыбзэ (хорыбзэ) – язык игрового ухаживания. Восточные адыги (кабардинцы) называют его полемическим языком: *хъуэрыбзэ*, (*хъуэр* (каб.) – полемическая смеховая реплика, *бзэ* – язык). У западных адыгов первая часть термина *хорыбзэ* не поддается расшифровке.

Хорыбзэ так же, как и *шагыбзэ*, в основном состоит из коммуникативных стандартов речи, знание которых необходимо для общения на иносказательных языках. Однако выбор тех или иных стандартов речи зависит от ситуации, в которой они используются.

В структурном и функциональном отношении *хорыбзэ* представляет собой достаточно самостоятельное наречие и занимает прочное место в традиционной коммуникативной культуре адыгов. На сегодня оно, как явление речи, сохранилось в большей степени, чем другие. Развитию и сохранению его способствовало то обстоятельство, что в игровой ситуации оно воспринималось как форма соревнования в красноречии, в словесной изобретательности и остроте, в знании выразительных ресурсов речи.

По структуре *хорыбзэ* – это иносказательный диалог, каждая часть которого есть самостоятельное фольклорное произведение, чаще всего стихотворное. Юноша начинает:

*Мы платыкум псы нэмыгъэс,
Маш1уи емыгъэлъэгъу,
Тыгъи темыгъапс,
Гъушъыгъэу къысэтыжъ. –*
Этому платку воды коснуться не дай,
И к огню не подноси,
И на солнце не суши,
Сухим верни.

Девушка тоже ставит условия, при исполнении которых она согласна стать его женой. Чаще всего и эти условия оказываются невыполнимыми.

*Уашъоми нэмысэу,
Ч1ыльэми цымык1оу,
Шык1э къамыльфыгъэ утесэу
Укъызык1ок1э,
Уильэ1у згъэцэк1агъэу
Укъы1ук1эжъын [5]. –*
Чтоб и неба не доставал,
Чтоб и земли не касался,
На жеребенке не рожденном
Если ты придешь,
Твою просьбу исполненной
Застанешь.

В ситуации игрового ухаживания общение складывается по своим внутренним законам. Оно имеет завязку, развитие, кульминацию и развязку. *Хорыбзэ* на каждой стадии, соответственно, выполняет определенную функцию. На первой стадии устанавливается знакомство и определяется цель визита жениха. Нужно заметить: несмотря на то, что ситуация «лицом к лицу» дает возможность вести прямой разговор, общающиеся пользуются иносказанием.

Умение изъясняться метафорическим языком было престижным и считалось достоинством человека. Оно давало возможность разобраться в человеческом характере, в находчивости и владении словом каждого из общающихся. Поэтому мастерству этому учились с детства. Так, юноша обращается к девушке:

*Зы гъогу горэм сыкъырык1о пэтэу
Зы къушъхъэ сыкъырихьыл1агъ.
Къушъхъэм зы чъыг гъугъэ тетыгъ.
Чъыгым тхъаркъуит1у тесыгъ.
Си1ашэ къызэдэсхи,
Тхъаркъом сыкъеуагъ.
Адык1эрэ фагъа?
Мыдык1эрэ къэфагъа,
Пишъэшъэ дах? [6]. –*
Шел по одной дороге
И одну гору встретил.
На горе одно сухое дерево стояло,

На дереве сидели два голубя.
Свое ружье достал
И в (одного) голубя выстрелил.
Туда он упадет?
Сюда он упадет, [скажи], красавица?
«Туда» (упадет) – значит «визит бесполезен». «Сюда» – значит юноша может продолжать свои ухаживания. Юноша, получив согласие на ухаживание, начинает ставить новые условия. И чем сложнее и неразрешимее становятся задачи, тем больше накаляются страсти. Словопрение в конце концов превращается в полемику, в состязание в находчивости и остроумии. Победителем в таком поединке оказывается тот, кто знает наибольшее количество полемических клише и обладает способностью импровизировать, создавать новые реплики. За игрой вторым планом раскрывается остроумие каждой из сторон, что является, в конечном счете, самым важным результатом «переговоров». «Обмен такого рода клишированными репликами, в основном имеющими назначение выставить в комическом свете соперника, – один из традиционных видов игровой коммуникации» [7: 22].

Хорыбзэ использовалось и при серьезном ухаживании, чтобы завязать знакомство, чтобы выяснить свои шансы, чтобы вызвать к себе интерес. Но когда юноша делал девушке предложение, он уже не мог допустить словесную игру, скорее он прибежал к метафоре, иносказанию.

Не всегда можно провести четкую границу между *шагыбзэ* и *хорыбзэ*. «Это два полюса иносказания, – пишет Б. Х. Бгажноков, – то удаляющиеся, то сближающиеся, смотря по тому, какова коммуникативная задача сообщения» [3: 126]. К этому следует добавить: определение границ иносказания зависит и от ситуации функционирования. Так, *хорыбзэ* вполне может быть использовано, например, во время обряда *кIапц* (*чапц* – обряд, устраиваемый при тяжелобольном в лечебных целях). Оно и там остается языком игрового ухаживания, лишь

коммуникативная задача его несколько видоизменяется, принимая на себя дополнительную нагрузку, т. е. вторую задачу – задачу увеселения. На чапце участниками диалога также являются юноша и девушка, они также обмениваются полемическими репликами, «допускающими конструкции низкого стиля речи, бранные слова» (Бгажноков Б. Х.). А то обстоятельство, что диалог-перебранка происходит на чапце, «санкционирующем разговоры на любые темы без стеснения в выражениях», лишь расширяет полномочия *хорыбзэ*, четче обозначает его переход в игровую ситуацию. Следует заметить, что игровое ухаживание *хорыбзэ* амбивалентно: вызывая веселье и смех, оно магически воздействует на судьбу и природу, развлекает и сближает людей. Зачастую этот условный язык не очень бывал понятен и самим играющим.

В коммуникативной культуре адыгов существует множество способов и приемов реализации специальных языков, к каковым относятся импровизированные поэтические композиции (клише). Большое количество таких формул «рассыпано» в фольклорных текстах. В основном они выполняют стилеобразующую функцию, иногда участвуют в сюжетообразовании и образостроении. Можно указать на сказки: «Маленький Трам», «Три слова», «Хаткоко Большой и Джанкилиш, Болета сын», «Черий, Хэхупако сын». Как повествует сказание, Малечипху искусно владеет *шагыбзэ*:

Нанэ, тиэрым и уэд,

Уэдым и дагъэ, -

Жери сыкыгъэкIуащ. –

Нана, [попроси] то, от чего жирный худеет,

А худой жирнеет, - сказала и

Меня прислала.

Так Малечипху просит соли у соседей.

Тайноречие реализуется также через такие специфические модели общения, как *опщын* (устное послание) и *зэфэусэ*

(поэтическое прение), которые одновременно являются фольклорными жанрами.

Таким образом, специальные языки, по выражению С.М. Толстой, одной из представительниц этнолингвистической школы, «аккумулируют в себе куль-

турные смыслы» [8: 125], являясь своеобразным строительным материалом для организации художественного текста (впоследствии они оформляются в определенные фольклорные жанры).

Примечания:

1. Тхаркахо Ю. Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. Майкоп, 1982. С. 150; Шъхьэлэхь А. ЧIэгъычIэлъыбзэхэр // Адыгэ фольклор. Ростов н/Д, 1977. С. 55-58; Бгажноков Б.Х. Тайные и групповые языки адыгов // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1977. Вып. 1. С. 109-129.
2. Унарокова Р.Б. Формы общения адыгов. Майкоп, 1998. 127 с.; Она же. Жанровая и коммуникативная специфика зэфэусэ (поэтических прений) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1.
3. Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С. 109-129.
4. Архив АРИГИ. Ф. 1. П. 34. Д. 20. Записано М. Аутлевым в 1952 г. от Сопшаха Негуч (80 лет, а. Агой Туапсинского района).
5. Архив АРИГИ. Ф. 1. П. 129. Д. 164. Записано нами 08.03.1984 г. от Т. Дауровой (70 лет, а. Хачемзий, Кошехабльского района).
6. Архив АРИГИ. Ф. 1. П. 129. Д. 180. Записано Батираем Едидж (Озбек) 01.04.1972 г. от Х. Берзедж (Анафия, район Адана, Турция).
7. Кудаева З.Ж. Адыгская паремия: система, поэтика. Нальчик: Эльбрус, 2001. 88 с.
8. Толстая С.М. Фольклор и этнолингвистика // Первый Всероссийский Конгресс фольклористов: сб. докл. Т. I. М., 2005. 448 с.

References:

1. Tkharakakho Yu. Formation of styles and norms of the Adyghe literary language. Maikop, 1982. P. 150; Шъхьэлэхь А. ЧIэгъычIэлъыбзэхэр // Adyghe folklore. Rostov-on-Don, 1977. P. 55-58; Bgazhnokov B.Kh. Secret and group languages of the Adyghes // Ethnography of the nations of Kabardino-Balkaria. Nalchik, 1977. Issue 1. P. 109-129.
2. Unarokova R.B. Communication forms of the Adyghes. Maikop, 1998. 127 pp.; The same author. Genre and communicative specificity of зэфэусэ (poetic debate) // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. Maikop, 2012. Issue 1.
3. Bgazhnokov B.Kh. Mentioned work. P.109-129.
4. The ARIGI Archives. F. 1. P. 4. D. 20. It is written down by M. Autlev in 1952 from Sopshakh Neguch (80 years old, a. Agoy of the Tuapse Area).
5. The ARIGI Archives. F. 1. P. 129. D. 164. It is written down by us on 08.03.1984 from T. Daurova (70 years old, a. Hachemziy, Koshekhabl Area).
6. The ARIGI Archives. F. 1. P. 129. D. 180. It is written down by Batiray Edidzh (Ozbek) on 01.04.1972 from Kh. Berzedzh (Anafiya, the Adan area, Turkey).
7. Kudayeva Z.Zh. The Adyghe parable: a system, poetics. Nalchik: Elbrus, 2001. 88 pp.
8. Tolstaya S.M. Folklore and ethnolinguistics // The First All-Russia Congress of specialists in folklore: coll. of reports. V. I. M., 2005. 448 pp.